

Гость редакции

только ТАК надо. А иначе не получится. Бывает — хорошо, да, все хорошо. Но холодно. Когда у актера внутри все стабильно, спокойно, в театре ничего не происходит.

— А вот женские образы Островского... Здесь есть какая-то определенная природа сложности? Мне одна актриса говорила, что героиня Островского в чем-то играть труднее, чем героиня Достоевского.

— Когда я играла Веру Филипповну, пришла моя однокурсница, посмотрела спектакль, какие-то замечания сделала, все хорошо. И сказала такую вещь: а она ведь лицемерит. Как?! Она, искренне прикрываясь заботой о бедных, на самом деле, если глубинные мотивы взять, хочет любви. Она не святая. Двойственность женской природы свойственна почти всем героиням Островского. Любая женщина мыслит сердцем, живет чувствами. Даже у самой практичной, рациональной женщины больше интуиция работает, чем у мужчин. Этим мы, девочки, и отличаемся от мальчиков. Морозов говорил: «Не пытайтесь играть только подонка или добряка, вы не сыграете. Господь Бог и Дьявол выбрали человеческую душу для борьбы».

— Для многих критиков прошла незамеченной ваша Купавина. Ввод и вывод...

— Мне так нравится эта роль! У Иры Муравьевой другое решение, более современное. А я пошла традиционным путем. Купавина, Евлампия — купавка, цветочек, лама, что-то очень мягкое. Она должна быть именно такой. Все главное у Островского написано. Как говорил Царев, читайте внимательно текст, все там сказано. Я читала, и мне рассказывали, как Шатрова играла эту роль. И я во многом просто повторяю то, что она делала. Когда Купавина читает письмо Беркутова, она в конце восклицает: «Ой, какая пошлость!» Я не знала, что Шатрова, читая, постепенно краснела, а восклицала это с интонацией восхищения. Купавиной нравятся даже пошлость любимого человека. И вот на репетициях я интуитивно стала говорить «какая пошлость» в значении «какая прелесть». Оказалось, что и Шатрова так произносила. После этого — грохот в зале.

— Как же жить в нашей обычной жизни, прожив на сцене такие богатые чувствами роли?

— Когда мы собираемся после спектакля за столом, то выпиваем за то, что у нас есть возможность жить другой жизнью. В каком бы состоянии ты ни был — болит ли голова, случилось ли что-то — на сцене ты забываешься. Я знаю одну актрису, которая от аллергии не знала куда деваться — раздутый нос, слезящиеся глаза, в гримерке за пять минут до начала спектакля она говорить не могла... Выходит на сцену — все проходит мгновенно.

— Вы сказали, что Бочкарев Ваш любимый партнер?

— Мы с Васей очень много играли вместе. Первый раз в «Картине», потом в «Царе Петре Алексеевиче», в «Холопах», в «Горячем сердце», несколько раз играли любящих. Супружескую пару в фильме — нас даже снимали в постели...

— А что кино для вас?

— Мне с кино повезло, как и с театром. На первый же фильм — «Механическое пианино» — я попала в группу к Никите Михалкову. Там удивительные были взаимоотношения. Все молодые, с юмором, талантливые, красивые. Мы работали, как в театре. Вечером после съемки репетировали сцену, которую завтра должны были снимать. Разбирали ее театральным ходом.

— Как вы туда попали?

— В общежитии жили вместе с подружкой Аленой Богвиной, которая пошла на пробы к Михалкову. На кухне она мне сказала об этом. «Им нужна актриса молоденькая, я дала твой телефон». Сказала и сказала. Я никогда не строю каких-то планов, не галлюцинирую. Через некоторое время позвонили. Помню, там были Саша Адабашьян, Паша Лебешев. У Паши были такие очки, с сильными диоптриями, смешные... Пусть он меня простит... Я представляла оператора, который вот так вот смотрит, пронзительно... А этот, такой работяга со стройки... А выстраивает кадр — фантастически. Потом входит Михалков — красивый...

— Вы робели в его присутствии?

— Он был красивым молодым мужчиной. Когда он проходил, Мосфильм пах пачули, потрясающий запах, и все принюхивались...

— А утверждение на роль было долгое?

— Три кинопробы. Сначала познакомились. Меня задело немного... Михалков спросил, в каком я театре работаю. «В Малом». И он сделал так... наморщил нос. Червяк во мне шевельнулся... Мой Малый театр! Обижаетесь. Потом, когда стали работать, конечно, это было наслаждение. Я помню, что мы все время хохотали, ржали. Идет сцена, мотор, что-то не получается. И вдруг все начинают говорить по-арабски. Или с грузинским акцентом. Смеемся до слез. Михалков: «Все, теперь мотор!» И это расслабление так помогало! Он умел создать удивительную атмосферу.

— Так вас там жалко, такая вы трогательная. Такая любовь! Со шляпкой просто чудо...

— А со шляпкой вот что было. В то время художники по костюмам были такие, каких сейчас нет. Наша художница к любому кадру успевала подойти к каждому из нас, поправить каждую деталь... Уже Никита кричит: «Вы мне мешаете! Все, мотор! Быстро». «Счас, счас, счас...» И как мышка бегает между нами. И она мне сказала: «Женечка, я вас очень прошу, если я не успею поправить вам шляпку, а она у вас съезжает, то заметьте, что эта вот часть, эта вот волна, должна быть над вашим носом. Перед съемкой проверьте». Я говорю: «Хорошо». Снимали другое — общий план. Съемка! И я машинально делаю так... (Сдвигает глаза к носу и смотрит вверх, чтобы проверить, на месте ли поле шляпки.) Я готова! И Никита это увидел. Увидел случайную подготовку к съемке. И это стало характеристикой героини.

— Жара, все затянута в костюмы, а надо еще соблюсти политекс, закатить глаза... Как же это замечательно!

— Вот такие случайности, штрихи создают образ.

— А вы были в Берлине на вручении премии за роль Веры во «Влюбленном по собственному желанию»?

— Нет, я об этом узнала вечером после вручения. По телевизору, как всегда: «Ну а сейчас новости культуры». Фисуненко, международный комментатор: «Прошел фестиваль в Берлине. Та-та-та-та... Наша советская актриса Евгения Глушенко получила приз за лучшую женскую роль «Серебряный медведь». Я даже не знала, что фильм отправили туда.

— Отдали вам этого «Медведя»?

— Отдали — через двадцать лет. «Нет, это не ваш приз (говорит в нос, смешно гнусая), это приз всей киностудии». Мне сразу отдали диплом, который подписал Жанна Моро — председатель жюри. Это было такой радостью!

— Кинопробы — это психологически тяжелое испытание?

— В кино меня утверждали почему-то практически без проб. На «Впервые замужем» Иосиф Хейфиц сказал: «Если вы согласны, я вас утверждаю». Пробы были, но для оператора — искали грим.

— У вас все приличные сценарии и фильмы. После «Пианино», наверное, пошли косяком предложения?

— Да, и все девочки, такие же Сашеньки. Я отказывалась, чтобы не повторяться. Два года не снималась. Потом — «замужем». У Никиты Михалкова я получила такую добротную и мощную подпитку — как ребенок получает в детстве материнское молоко. Потом идет замена, и это сразу видно. Потому что у Михалкова все было профессионально — с хронометром, наверное, они работали, потому что он все знал точно: «Тут две секунды лишние, это нельзя, быстрее надо говорить» и т.д., раскадровки рисовал, проработка шла до мелочей. Да и как с человеком с ним общаться было счастьем.

— У вас для актрисы очень ровный характер. Не бывает никогда взрывов?

— Да я бы не сказала, что у меня такой уж ровный характер. Могу вспылить. Но не люблю себя в эти минуты. Меня

всегда привлекали люди, которые умеют собой владеть. Мне дали книжечку прочесть, называется «Королева Румынская Кармен Сильва». Пишет о себе русская княжна, которая была замужем за румынским королем. Небольшая книжка, изданная в XIX веке. Она пишет о том, как росла, воспитывалась, что делала, как вообще воспитывали девочек. Вот этого, этого не полагалось. Есть такие вещи, которые делать нельзя. Нельзя — и все. Без объяснений. Это как у Островского... «Женщина способна на многое — прощать, терпеть... Но есть предел, который порядочная женщина не перейдет никогда». Вот эта грань должна существовать. Наверное, это нормально, когда человек выходит из себя. Но если это со мной случается, я всегда потом жалею.

— Не бывает депрессии, грусти, когда не хочется ничего?

— В юном возрасте я познакомилась с женщиной, которую очень ценю. Она была воспитана в Смольном институте, она еще того поколения. Это была Марина Ильинична Стародубцева, музыкант, артистка. Она написала потрясающую книгу, которая называется «Круговорот». Она глубоко верующий человек. И она говорила просто: «Уныние — это самый большой грех». Даже прелюбодеяние и убийство по тяжести следуют после этого греха.

— Вы одна у родителей?

— Да.

— Чем они занимаются?

— Они пенсионеры. Папа был военным, а мама работницей на кожгалантерейной фабрике в Ростове, потом — продавцом в магазине. Она такая оптимистка! Так что это в генах, наверное, я в нее.

— Как вам удалось избежать ростовского выговора?

— С десяти лет я ходила в драмкружок вместе с Анатолием Васильевым, Геней Тростянецким, Леней Прудниковой... Там я увидела книжечку «Дикция и орфоэпия» и стала заниматься.

— Телевизор смотрите?

— Канал «Культура» мне нравится. Что-то еще смотрю... Прелесть телевизора в том, что его можно в любой момент выключить.

— А сериалы? Снимаетесь?

— Мне интересно было попробовать, и я в «Клубничке» снялась в трех сериях. Тебе дают текст, тут же надо говорить. День — серия. Была прекрасная компания: Галя Польских, Александр Демьяненко, Игорь Ясулович, все, все, все прекрасные актеры. Все работали на отдачу, на износ. Естественно, выходили на свои штампы. Это обидно. У Астрахана Димы снялась в «Зале ожидания». Он талантливый человек, тоже была хорошая компания, что очень важно. Леночка Усатова, Михаил Александрович Ульянов... А недавно мне позвонил молодой человек: «Евгения Константиновна, вы не можете приехать завтра на кастинг?» — «Куда?» — «На Мосфильм». Я: «Простите, а нельзя ли попросить сначала сценарий?» — «Зачем? Режиссер вам скажет, подходите вы или нет». А я привыкла сначала читать сценарий, потом говорить с режиссером.

— Они сейчас по-другому рассуждают...

— Я знаю, но мне это не очень нравится.

— Была какая-то роль, которая прошла мимо вас?

— В 1993 году мы были на гастролях в Алма-Ате. Вдруг заболевает актриса, которая играет Раневскую. Коршунов мне говорит — три дня. Я ночь не сплю, мне меряют костюм... И вдруг понимаю, что не могу. За три дня это сделать нельзя. Я отказалась. Спектакль заменили. А потом стали вводить Муравьеву. Вводили два месяца. На меня махали руками: дура, от таких ролей не отказываются! А Татьяна Александровна Еремеева говорит: «Женечка, вы такая мужественная, что отказались». Жалею ли я? Нет. Значит, так надо было.

Вопросы задавали Ольга Галахова, Павел Тихомиров, Елена Бушуева
Фото из музея Малого театра

«Иванов». Зинаида Саввишна. Сарра — Людмила Титова

«Холопы». Лиз. Плавукина-Плавуницова — Елена Гоголева